

17 АПР 43

И. БЕРЕЗАРК

Живые традиции

НА ПЕРИФЕРИЙНОЙ СЦЕНЕ

5

Магнитогорский театр им. Пушкина находится в центре сказочно выросшего индустриального города. Новое здание театра, расположенное у южной горы на фоне заводов, эффе́ктно, картинно, парадно. И вся творческая практика этого театра гармонизируется с этой его внешностью. Здесь возрождаются боевые агитационные спектакли, характерные для эпохи гражданской войны и тогдашних послевоенных лет, возрождаются в новом, конечном, качестве. Здесь культивируются патристическое зрелище, художественная агитация, плакат. Это сознательные творческие установившиеся традиции. Это определяет здесь выбор репертуара. Характерно, что даже пиллеровское «Комарство и любовь» играет здесь без всякого акцента на интимность и лиричность. Шпатель здесь — «рупор духа времени», и только.

Наоборот, Челябинский театр им. Цвиллинга по своей творческой направленности лиричен, интимен. Любимый спектакль театра — «Дамы и дворяне». Кальдероновскую комедию здесь играют не как драму «плача и шпана», а как интимную, лирическую пьесу человеческого чужества. Мало испанской страсти, больше русской лирики. Спектакль «Русские люди» в Челябинском театре неудачен именно потому, что лирическая линия пьесы стала основой, а героинка опущена. Сафонов, Вая, Глоба выглядят в этом театре (постановка режиссера М. Герштеля) слишком обыденными, незначительными людьми.

Третий театр, работающий в Челябинской области — Орловский театр, обосновавшийся в Златоусте (художественный руководитель Ляшенко), культивирует боевую романтику. Это очень интересный, крепкий, в основном молодёжный коллектив. Он выпускает подлинные, поэтические радости, бодрые спектакли — «Рождённые бури», «Олеко Дундич», «Бессмертный». Спектакль «Русские люди» насыщен песнями, стихами. Он полон горячей страсти и поэтому звучит как-то моложе, чем в других театрах.

Мне пришлось не раз видеть постановки таких пьес как «Давным-давно» или «Мой сын». В Омском областном театре эти спектакли приобретают особую психологическую насыщенность. Даже комедия А. Гладкова, написанная по водеvilным канонам, выглядит в этом театре психологической драмой. Это пристрастие к углублённому психологизму свойственно прежде всего искусству ведущих актёров Омского театра — таких мастеров, как Н. Колесников, Д. Коаловский и Л. Колосов. И это, естественно, определяет стиль всего театра.

Формирование творческой манеры в периферийных театрах, пожалуй, сложнее, чем в столичных. Творческие склонности коллектива, верней, его ведущего ядра, — вот главное, что помогает определить стиль театра. В этом плане интересен путь Свердловского областного драматического театра, одного из сильнейших театров периферии.

Своего сценического стиля в этом театре ещё нет, но есть у него своя тема. Она отчётливо звучит даже в поставленных разными режиссёрами спектаклях последних лет — «Фельдмаршал Кутузов», «Парень из нашего города», «Русские люди», «Фронт». Тема театра — человек и война, личные переживания человека в момент героической защиты родины, тонкое — тем полководца и его ответственности перед родиной. Эта тема наиболее полно раскрывается в творчестве несомненно выдающегося актёра Ильина, играющего здесь Луконина, Глобу и Огнева. И она — эта тема — оказалась близкой новому художественному руководителю театра А. Вилнеру, и поэтому его работы «Фронт» и «Русские

люди», не всегда стилистически цельные и четкие, ценны тем, что органичны искусству лучших местных актёров.

Интересно и весьма поучительно узнать, что именно в дни Отечественной войны возрос интерес к острой, своеобразной художественной форме спектакля. Что это — реакция «формализма»? Нет, конечно! Острая форма призвана усилить идеологическое воздействие спектакля, поднять его зрелищность. Опытные театры Любимовский в этом отношении некоторые моменты в постановке «Русских людей» в Химковском театре им. Шевченко. Спектакль поставлен режиссёром В. Василько. Немец здесь играет так, что вот-вот кажется, мы перейдём к какой-то гримасе, станет карикатурой или фантазмом. Но граница эта строго соблюдена. Облик Розенберга (артист Чернышев) встаёт перед зрителем, как смесь социализма, самолюбивости и чудовищной культурности, как обобщённый образ немецкого нациста. И все «немешские эпизоды» — сценный пыток — в театре им. Шевченко решены смело и остро. Вернер, укутывая Валу стилизованными бусами, висящими у неё на шее, тащит её через всю комнату. Это почти за гранью художественности. Но и в этом случае грань не проплывлена, и впечатление получается очень сильное — большая правда страданий советских людей под игом фашистского владычества в лаконичном и остром театральном образе.

В постановке «Русских людей» Магнитогорского театра нетрудно обнаружить и грубую плакатность, и неумелые к авторскому тексту, и попытку режиссёра выступать в качестве автора пьесы, и ряд фирманных приёмов, ничем как будто бы не оправданных. Мы отнюдь не склонны безоговорочно «спилить» эту постановку Л. Прохорова. Режиссёр старательно переинтерпретировал текст Симонова, вытащив из него всю лирику, усиливая балетные сцены и помня о судьбу многих действующих лиц (Васня, например, у него остаётся жить). Внедрили кино («Дни войны») и большие транспаранты, каждый из которых передаёт основную идею подготовляемой сцены. Короче говоря, спектакль по своему стилю близок к некоторым постановкам первого десятилетия советской власти. Однако магнитогорский зритель смотрел его охотно. Нам кажется — как опыт, как эксперимент, этот спектакль любопытен тем более, что он звучит очень свежо и сильно воздействует на зрителя.

Знаменателен в этом отношении и спектакль «Настствие», поставленный Б. Захаров в Омском драматическом театре и воссоздающий на телеэкране традицию, которая отведена сатирической, обличительной гротеском «Поползу», «Гадюшка» и «Чуда». Это спектакль большой агитационной силы. В четвёртой сцене «драконы из гестапо» Шварце и все отравительные фашистские гости — люди, потерявшие образ человеческого. Это мир страшных фантастических видений, и в то же время мир реальный. Как страшен злодей, маленький, крошечный Краузе, который гоняется за несчастным Алисейкой! Сцена длится недолго, но волдыряне её опротиве, Или первый акт — мелодия Бетховена и страшные звуки бомбежек. Обличительные приёмы вахтанговского искусства возрождены здесь как бы в новом своём качестве. Тема пьесы расширяется особенно ярко, отчётливо благодаря остроте и своеобразию формы.

Такое то новое, что характерно сейчас для искусства периферийного театра. Это искусство в дни ожесточённой борьбы советского народа с подлыми врагами страны быть сильным, выразительным, мобилизующим.